

## ПРЕДАНИЯ О Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЕ В КУЛЬТУРЕ ЖИТЕЛЕЙ БЕРЕГА МАКЛАЯ

Проблема трансформации воспоминаний об исторических событиях в мифологическое повествование чрезвычайно важна для культурологических, исторических, фольклорных и этнографических исследований. Ведутся многочисленные споры о том, происходит ли трансформация исторических событий в миф или же, наоборот, события окружающей реальности воспринимаются с помощью шаблонов, сформированных в сознании человека мифологическими представлениями [Байбурин, Левинтон 1983]. Как правило, обе стороны в таком споре располагают небольшим количеством данных. Исторические события, подвергшиеся мифологизации, разделены с исследователем значительным временным отрезком, а письменных источников об этом периоде чрезвычайно мало. Однако если мы хорошо осведомлены об определенных исторических событиях, то степень их мифологизации, как правило, минимальна.

Уникальным явлением среди подобного рода событий является «случай Маклая». Во-первых, Миклухо-Маклай высадился в селении, жители которого до этого не видели ни одного белого человека. Во-вторых, Миклухо-Маклай детально описал все свои действия в Бонгу, и мы практически «шаг за шагом» можем восстановить его работу там. Это своеобразный исторический источник, который можно сравнить с мифологическими текстами. Перед нами крайне редкий случай добросовестного документированного первого контакта европейца с традиционной (первобытной) культурой. Наконец, в-третьих, предания и легенды о русском ученом фиксировались исследователями-этнографами, работавшими на Новой Гвинее, с 1890-х годов до настоящего времени.

Можно сказать, что первые полумифологические предания о себе сообщил сам русский ученый. Так, он упоминает, что местные жители называли его карам-тамо, т.е. человек с Луны. Однако это не полнотекстовый миф или легенда о нем самом, а рассужде-

ния о мифах о нем. Так, в «Кратком сообщении о моем пребывании на восточном берегу острова Новая Гвинея в 1871 и 1872 гг.» ученый приводит такие факты: «Кроме моего имени “Маклай”, которое они знали и помнили с первого же дня моего знакомства с ними, они стали звать меня “каарам-тамо” (человек луны) или “тамо-боро-боро” (человек большой-большой), ставя меня выше самых старых и почитаемых глав семейств, которых они называют просто “тамо” и редко “тамо-боро” (человек, человек большой). Они приходили ко мне, прося изменить погоду или направление ветра; были убеждены, что мой взгляд может вылечить больного или повредить здоровому, думали положительно, что я могу летать и даже, если захочу, могу зажечь море» [Миклухо-Маклай I: 263].

В тексте чтений в Русском географическом обществе есть уточнение этого факта. «Наконец, уже на четвертом месяце моего знакомства с ними, когда я успел ознакомиться с языком достаточно хорошо, при новых расспросах о происхождении этого выражения я узнал следующее. Спросив однажды одного из туземцев: “Кто тебе сказал, что я каарамтамо?”, т.е. человек с Луны, я получил ответ: “Да все говорят это”. — “Кто же эти все?” — “Да ты спроси их (при этом он указал на подле стоявших): вот тот, тот и тот, все тебя так называют”.

Добившись, наконец, кто первый назвал меня таким образом (мне сказали, что это был Бугай из деревни Горенду), я тотчас же отправился в эту деревню, отыскал Бугая и спросил его: “Почему ты думаешь, что я пришел с Луны?” — “Потому что у тебя огонь с Луны”. Опять явилось затруднение: что они называют “огнем с Луны”? Я стал объяснять им, что огонь, который горит в моей хижине или зажигается в ней, совершенно такой же, как и тот, который горит в Горенду, Тумбу и других деревнях. “Все это так, — отвечал Бугай, — но у тебя в твоей хижине есть еще другой огонь, который с Луны”. Снова пришлось расспрашивать, и, наконец, я узнал, что этот дикарь Бугай, будучи раз с товарищем на рыбной ловле, увидел около моей хижины яркий белый свет и так испугался, что сейчас же бросился в деревню и стал звать всех посмотреть на “огонь с Луны”, как он назвал этот необыкновенный огонь. С этого времени сначала в ближайших деревнях, а потом и в более отдаленных стали звать меня “человеком с Луны”» [Миклухо-Маклай II: 406–407].

Очевидно, что ученый сосредоточился на поиске исторических фактов, которые способствовали сложению мифа или, более

точно, имели отношение к формированию того или иного аспекта мифа. В то же время зафиксировать предание полностью он не считал нужным.

Примечательно, что ряд ситуаций, которые на страницах дневников Миклухо-Маклая выглядели как своеобразные чудеса и, с точки зрения европейца, должны были неминуемо оставить след в памяти местных жителей, не упоминаются в позднейших легендах. Например, в зафиксированных исследователями текстах не встречается эпизод с «поджиганием воды»: «Я взял блюдечко из-под чашки чаю, которую допивал; вытерев его досуха и налив туда немного спирта, я поставил на веранду и позвал моих гостей. Взяв затем стакан воды, сам отпил немного и дал попробовать одному из туземцев, который также убедился, что это была вода. Присутствующие с величайшим интересом следили за каждым движением. Я прилил к спирту на блюдечке несколько капель воды и зажег спирт. Туземцы полуоткрыли рот и, со свистом втянув воздух, подняли брови и отступили шага на два. Я брызнул тогда горящий спирт из блюдечка, который продолжал гореть на лестнице и на земле. Туземцы отскочили, боясь, что я на них брызну огнем, и, казалось, были так поражены, что убрались немедленно, как бы опасаясь видеть что-нибудь еще страшнее» [Миклухо-Маклай I: 131–132].

В 1884 г. земли Берега Маклая были включены в Германскую колонию «Земля императора Вильгельма». Немецкие ученые Отто Финш, Гуго Цёллер, Отто Демпвольфф, изучавшие языки местных народов, записали несколько преданий о Миклухо-Маклае на островах Били-Били и Каркар. Рейнская лютеранская миссия разместилась в деревне Богатым (в дневниках Н.Н. Миклухо-Маклая фигурирует под названием Богати). Ее работники — врач Бернгард Хаген, миссионеры Август Ханке, Георг Эйферт, Альберт Гоффман, Якоб Вельш и ряд других — постоянно сталкивались с воспоминаниями и преданиями о русском ученом. По просьбе Д.Н. Анучина Б. Хаген обобщил предания папуасов в специальной статье «Воспоминания о Н.Н. Миклухо-Маклае у жителей бухты Астролябии на Новой Гвинее», которая была опубликована на русском языке в журнале «Землеведение» [Хаген 1903].

В 1920–1930-е годы на Берегу Маклая, а также в прилегающих внутренних районах округа Маданг сбор этнографической информации проводился сотрудниками лютеранской миссии. Данные были опубликованы лишь частично и недоступны в России [Hoff-

man 1948; Hannemann 1996]. В 1940–1950-е годы полевые исследования на Берегу Маклая возобновляются. Британский исследователь Питер Лоуренс пишет книгу «Путь карго» [Lawrence 1971], посвященную карго-культам округа Маданг. По словам автора новейшего библиографического издания «Религии в Меланезии» Гарри Тромпфа, «просто лучшая книга о карго-культурах» [Trompf 2006: 237]. В ней описывается история контактов папуасов Берега Маклая с европейцами с 1871 по 1950 г.

В научной литературе под термином «карго-культ» подразумевают новые культурные явления, возникающие в культуре традиционных народов под влиянием более развитых цивилизаций. В середине XX в. карго-культы были подлинными культурами, их приверженцы почитали местных пророков, которых считали «черными Иисусами». Однако к концу XX в. карго-культистские сообщества приняли форму организаций, занимающихся коммерческой деятельностью. Такая деятельность включает многочисленные элементы «промысловой магии», «магии богатства», подразумевает возрождение общинных традиций и т. д., но вместе с тем в их основе уже не лежит подлинный культ какой-либо вещи или человека, поэтому в работах рубежа XX–XXI вв. для обозначения этих явлений используется термин «каргоизмы» [Sullivan 2005: 8].

Питер Лоуренс назвал легенды о Маклае первым карго-культом округа Маданг. Развитие местной мифологии он видит как череду сменяющих друг друга культов карго, которые представлены в табл. 2 [Lawrence 1971: 62].

Таким образом, по мнению П. Лоуренса, почитание Маклая было лишь первым этапом развития того, что он называл «каргомышлением». В книге «Путь карго» культу Маклая в дальнейшем не уделяется внимания. А упоминания о позднейших случаях почитания Маклая разбросаны по различным работам. Например, в уже приводившейся рецензии на книгу «Человек с луны» Лоуренс упоминает, что «в 1960-е его даже идентифицировали с Иисусом Христом» [Lawrence 1986: 537].

Кроме основной работы по карго-культурам, П. Лоуренс издал множество статей и монографий, в которых упоминаются различные аспекты преданий о Миклухо-Маклае. Так, через 13 лет он издает вторую книгу, основанную на материалах, собранных в ходе экспедиций в округе Маданг: «Гария. Этнографическое описание космологических представлений в Папуа — Новой Гвинее». Это

Таблица 2

Период	Основа культа	Распространение	Божества
I этап 1871–1900	Язычество	Побережье от дер. Саранг до дер. Сайдор	Маклай считается местным добрым божеством; немецкие колонисты — местные злые божества
II этап 1900–1914	Язычество	Побережье от дер. Сек до дер. Бонгу	Европейцы не родственны папуасам. Они владели карго изначально. Возвращение к мифам о Манупе и Килибобе
III этап 1914–1933	Христианство	Весь Берег Маклая	Европейцы и папуасы — братья через Адама, Еву и сыновей Ноя. Почитание христианского Бога и Иисуса Христа
IV этап 1933–1945	Синтез христианства и язычества	Почти весь округ Маданг	Почитание местных лидеров: Каут, Таграб, Каум и др.
V этап 1948–1950	Язычество	Побережье от дер. Саранг до дер. Сайдор	Культе Яли

племя, иногда называемое сумау, занимает территории на водоразделе рек Нуру и Пека. Первая относится к бассейну реки Гогол, а вторая — к бассейну реки Раму, отделенной от побережья горами. Гария одновременно были связаны речными долинами с симбу (более правильное название народа чимбу, распространенное в современной англоязычной литературе. — *А.Т.*) на Раму и били-били (в англоязычной литературе «билбил». — *А.Т.*) на тихоокеанском побережье. Таким образом, данные по этому народу являются чрезвычайными для понимания географии распространения легенд о русском путешественнике в целом.

В рецензии на англоязычную биографию Миклухо-Маклая «Человек с луны», написанную Элси Мэй Вебстер, Лоуренс пишет: «В 1949 г., когда я начал работу среди гария во внутренних районах за Мадангом в Папуа — Новой Гвинее, один из информантов сказал мне на ток-писине: “Wanpela magarai bilong mipela” (‘один из наших магараев’). Слово звучало необычно и оказалось синонимом поня-

тию “масалай” на ток-писине или “ойтеу” на местном языке, что значило традиционное божество. Позднее я понял, что это было искаженное имя собственное — Маклай, а более точно — Миклухо-Маклай — первый европеец (русский), который жил в этом регионе, в Бонгу, в тридцати милях отсюда, на побережье еще до появления первой колониальной администрации» [Lawrence 1986: 537].

В другой небольшой заметке — отклике на опубликованную в «Новостях» Королевского антропологического института статью Д.Д. Тумаркина о Миклухо-Маклае — он добавляет: «В Гариа слово “магарай” использовалось как синоним понятия “ойте`у” (низшее божество). Предки этих людей узнали о нем рано: через каналы торговых связей, простирающихся до самого побережья». И далее: «Это поверье начало распространяться в 1871 г. Карго-движение просуществовало более ста лет, хотя божества, которые ассоциировались с ним, регулярно менялись. Тем не менее имя Маклая периодически появлялось среди них» [Lawrence 1982: 13]. Иными словами, почитание Миклухо-Маклая в различных качествах продолжалось во многих деревнях округа Маданг на протяжении всего XX в.

В 1970-е годы на Берегу Маклая дважды работали советские ученые-этнографы. В ходе двух поездок (1971 и 1977 гг.), приуроченных к столетию первой и второй экспедиции ученого на Новую Гвинею, были собраны этнографические данные о деревне Бонгу и, в частности, воспоминания папуасов о «тамо-русс». Тексты воспоминаний были опубликованы в работах Б.Н. Путилова и Д.Д. Тумаркина [Путилов 1981; Тумаркин 1997]. Вместе с тем в работах этих авторов воспоминания о русском ученом рассматривались в основном как исторические тексты, на основании которых можно прояснить малоизвестные периоды жизни ученого на Новой Гвинее.

Примерно в те же годы в округе Маданг в течение нескольких лет проживала и работала австралийская исследовательница «устной истории» Мэри Меннис, которая зафиксировала несколько преданий о Миклухо-Маклае на островах Били-Били и Грагед, а также в дер. Бонгу. Основная часть текстов была опубликована в журнале «Устная история». Кроме того, небольшая часть преданий с острова Били-Били была переведена на русский язык и напечатана в журнале «Советская этнография» [Меннис 1989]. Другая австралийская исследовательница, ученица П. Лоуренса, Ромола МакСуэйн писала в своей работе о мифологии жителей острова Каркар, что в преданиях Миклухо-Маклаю отводится очень важное

место — «то отца Килибоба, то самого Килибоба, то сына Килибоба» [McSwain 1994: 19]. Эти работы вновь показали, что память о Миклухо-Маклае жива. Воспоминания о нем не исчезли, вытесненные другими культурами, а трансформировались и продолжают меняться под влиянием новых реалий современности.

В 1994 г. Мэри Меннис, в то время проживавшая уже в Австралии, вновь совершила поездку по округу Маданг и зафиксировала новую версию предания о русском ученом. В 2010 г. два сотрудника кафедры этнологии исторического факультета МГУ (А.А. Винецкая и автор данной работы) побывали в деревне Бонгу и записали еще три предания о Миклухо-Маклае (отрывки из полевого дневника опубликованы в настоящем издании).

Таким образом, легенды о Миклухо-Маклае существуют вплоть до настоящего времени. Они зафиксированы и изданы. Благодаря большому количеству этнографических и лингвистических заметок о регионе можно поэтапно проследить изменение этих устных текстов, что и было сделано в рамках этой работы.

\* \* \*

Перед тем как перейти к описанию преданий и легенд о русском ученом, необходимо сделать несколько пояснений по поводу исторической географии Берега Маклая.

Вопрос об этническом составе жителей Берега Маклая требует пояснений. Папуасы представляют собой пеструю языковую смесь. Миссионер Рейнской лютеранской миссии Август Ханке задался вопросом о том, являются ли папуасские наречия диалектами одного языка, подобно тому как швабский, рейнский и мекленбургский диалекты составляют немецкий язык, или это самостоятельные отдельные языки, малородственные друг другу. Ханке сравнил языки трех групп залива Астролябии — жителей селений Бонгу, Богатым и островитян Сиар и Рагетта. В качестве сравнительного материала он использовал материалы книги «Меланезийские языки» Роберта Г. Кодрингтона. В итоге Ханке пришел к выводу, что Бонгу и Богатым, с одной стороны, и Сиар-Рагетта и меланезийские языки, с другой стороны, относятся к различным языковым семьям. При этом меланезийские языки имеют сходство с языком Сиар-Рагетта, а язык Бонгу — с языком Богатым [Hanke 1905: 255–262].

Лингвистические исследования середины XX в. подтвердили эту гипотезу. Родство языков Бонгу и Богатым, с одной стороны,

и Сиар и Рагетта — с другой, оказалось еще более отдаленным. В настоящее время жители дистрикта Маданг относятся к двум большим филам: австронезийской и трансновогвинейской. На языках австронезийской филы говорят жители прибрежных и островных деревень, в частности Каркар (язык Такиа)<sup>50</sup>, Били-били (язык Билбил), архипелага Довольных людей (язык Гедагед), а также ряда прибрежных деревень Берега Маклая — Миндир (язык Миндри) и Телята (язык Биляу). Жители остальных деревень побережья, а также жители внутренних районов говорят на языках трансновогвинейской филы. Последняя имеет чрезвычайно дробное деление на субфилы, суперветви, ветви, группы и семьи, воспроизводить которое в настоящий момент не имеет смысла. Можно, однако, отметить, что языки деревень Бонгу (Бонгу) и Богатым (Бом) относятся к субфиле Маданг-Адальберт Рэйндж, Мадангской суперветви, ветви побережья Рай и семье Минджим [Z'graggen 1979: 5–12].

Носители австронезийских языков обладают более высокотехнологичной культурой. Они владеют технологиями постройки больших каноэ и играют роль торговцев на Берегу Маклая. Им же известно гончарство: жители деревень Били-Били и Ябоб привозят жителями побережья горшки для обмена. Путешествуя вдоль побережья, носители австронезийских языков выступают проводниками новых культурных влияний. Именно представители этих деревень были организаторами несостоявшегося восстания 1904 г. против немецкой колониальной администрации. Культура носителей австронезийских языков представляет собой своеобразную элитарную культуру побережья, в то время как культуры носителей трансновогвинейских языков занимают место на ступень ниже.

Торговые путешествия носителей австронезийских языков являются одним из каналов распространения не только знаний и вещей, но и преданий. Как писал сам Миклухо-Маклай: «Люди этой деревни (Били-Били. — *А.Т.*) из поколения в поколение ежегодно по несколько раз совершают путешествия вдоль северо-восточного берега до деревни Телята» [Миклухо-Маклай II: 178]. Отклоняться от освященных традицией путей папуасские мореплаватели не решались. Н.Н. Миклухо-Маклай так описывает попытки уговорить

---

<sup>50</sup> В данном случае и в дальнейшем сначала приводится название деревни по записям Миклухо-Маклая, а в скобках дается принятое в англоязычной литературе название языка (по работе Дж. З'граггена).



хозяина лодки Каина плыть дальше, за Телята: «Вечером я имел долгое совещание с Каином, уговаривая его отправиться далее; обещал ему один и даже два топора, ножей, красного коленкору, бус — одним словом, несметные для него богатства. Но он стоял на своем: “Нет”, “Нельзя”, “Убьют”, “Всех убьют”, “Съедят” и т. д. — вот все, чего я мог от него добиться» [Там же: 186]. На западе крайней точкой путешествия были острова Довольных людей, которые на современных картах обозначаются как Сиар и Кранкет.

В ходе таких путешествий папуасы обменивались различными товарами. В частности, жители деревни Били-Били предлагали глиняные горшки, которые производились в их деревне. Вместе с торговыми путешествиями распространялись и истории о белом путешественнике. Н.Н. Миклухо-Маклай описывает такую ситуацию: «Мой выстрел привлек жителей деревни, которые прибежали осведомиться, что случилось. Каин воспользовался этим и набросился на бедных жителей Сингора. “Как это, — завопил он, — Маклай — тамо-боро-боро, Каарам-тамо, тамо-русс приехал сам в Сингор, а эти люди не принесли еще ни свиньи, ни поросенка, ни даже аяна!” <...> По прошествии пяти минут стали появляться из деревни туземцы: кто с аяном, кто с курицей, кто с поросенком...» [Там же: 183]. Эта ситуация показывает, что к моменту прибытия тамо-русс в Сингоре о нем уже знали.

Следует еще раз отметить, что жители деревень Сиар, Грагер, Сингор и Телята, несмотря на значительную пространственную удаленность друг от друга, разговаривают на языках австронезийской языковой семьи. Следовательно, общение между ними не затруднено значительной языковой разницей. Они могли обсуждать подробности прибытия, пребывания и отъезда Маклая, а впоследствии и пересказывать друг другу легенды о нем.

Второй канал распространения легенд был связан с деятельностью миссионеров Рейнской евангелической миссии. Первоначально ими были основаны несколько станций на побережье: Богатым (1887), Бонгу (1896), Сиар (1889) и Рагетта (1889). Миссионеры установили контакты с местным населением и стали обучать местных жителей основам христианской веры. Затем они попытались установить контакты и привлечь к обучению в школе жителей соседних деревень. Здесь их ожидали трудности: горы Финистер (хребет Мана-Боро-Боро в дневниках Миклухо-Маклая. — *А.Т.*) были труднопроходимыми, и за один день с большими трудностями было

возможно пройти расстояние в 15–20 км. Необходимость охватить проповеднической деятельностью как можно большее количество поселений была связана с конкурентной борьбой с католической миссией, разместившейся на побережье к северо-западу от Маданга.

На протяжении 1890-х годов миссионеры совершили ряд путешествий вглубь побережья и нашли наиболее удобный путь проникновения во внутренние районы острова. Этот путь лежал через водораздел рек Гогол и Раму. Первоначально сил и средств для основания станции вдали от берега не было. В 1906 г. в десяти километрах от Маданга была построена станция Амеле, существующая до сих пор. В школе при этой станции уже в первые десятилетия XX в. обучались представители народов симбу, проживающих в бассейне реки Раму. Симбу принимали участие и в деревенских, и в религиозных праздниках рядом со станцией Амеле. Вот как в 1930 г. описывает их участие один из миссионеров: «Оказалось, что на празднике присутствуют три человека с другого берега реки Раму, которым их друзья из Фулumu хотели вручить таро. С этими словами говорящий поднял вверх клубень таро размером около 70 см длиной. После этого были поделены свиньи, каждый получил свою долю и вернулся на место для того, чтобы съесть» [Das Archiv der VEM, 2.996 Amele, S. 135 (271)].

Оттуда вместе с жителями Амеле и соседних деревень они уходили работать на плантации на побережье. Именно в среде таких рабочих, по мнению П. Лоуренса, наиболее широко были распространены разнообразные карго-идеи. После работы на плантациях симбу возвращались домой и приносили эти идеи в свои селения. В 1930-е годы священники католической и лютеранской миссии смогли проникнуть в долину Раму и основать там станции. В частности, в 1934 г. лютеранские миссионеры основали станцию на том месте, где сейчас находится город Кероваги [Rambo 1990: 177]. К моменту их прибытия легенды о Миклухо-Маклае там уже существовали. Там он именовался термином Магруай или Макарай.

Таким образом, в настоящий момент нам известно два очага легенд о Миклухо-Маклае: первый связан с побережьем и морскими экспедициями жителей островов Били-Били и Сиар, а второй — с группой племен симбу в бассейне реки Раму.

\* \* \*

В культуре папуасов на Береге Маклая сохранилось несколько типов воспоминаний о пребывании нашего соотечественника.

**Первый тип воспоминаний** — это ситуативные воспоминания о том, что делал Миклухо-Маклай. Эти воспоминания фиксировались вплоть до конца XIX в. По всей видимости, были живы люди, которые сохраняли воспоминания о личных контактах с ученым. Одно из них приводит Б. Хаген: «Миссионер Гофман спросил однажды туземцев Били-Били, не получал ли кто из них когда-нибудь побоев от Миклухи-Маклая. Они захохотали и сказали: “О, у Маклая была скорая рука! Не раз он здорово задавал трепку молодежи!”» [Хаген 1903: 249].

Или другой пример бытового эпизода: «Так, однажды он выбрил одному малому из Богатьима полголовы за то, что он дерзко ему налгал. А так как заботливо убираемый волосяной убор составляет высшее украшение у мужчин-папуасов, то наказанный не мог несколько месяцев открыто появляться в своем селении» [Там же]. Среди публикаций, появившихся на протяжении XX в., ни одного подобного рассказа не было зафиксировано.

Другой эпизод из повседневной жизни приводится и Хагеном, и миссионером Томасом, работавшим на станции Богатьим. Последний в своих воспоминаниях пишет: «Вначале он (Миклухо-Маклай. — А.Т.) из-за страха перед местными жителями окружил свое жилище цепью небольших мин, которые приводились в действие шнурами, протянутыми к хижине, в том случае, если аборигены приближались к хижине. Поэтому неудивительно, что они считали незнакомого человека высшим существом» [Thomas 1892: 43]. Примерно такую же картину рисует Хаген: «При всей своей храбрости и уверенности он (Миклухо-Маклай. — А.Т.) не оставлял никогда <...> необходимой осторожности; люди Богатьима и теперь еще рассказывают, что всякий раз, когда к его жилищу приближалась большая толпа вооруженных людей, из земли вырывался с громким треском огонь» [Хаген 1903: 248]. Вновь можно указать на то, что в легенды о Маклае эти сюжеты не попали.

**Второй тип воспоминаний** существует в виде обычая называть детей именем Маклай. Этот обычай был отмечен еще О. Финшем в 1884 г.: «Нам была показана также одна нангели (женщина) или кринга (девочка) “Маклай”, маленькая рябая девочка лет шестнадцати, у которой крестным отцом был Маклай» (цит. по: [Бутинов 1950: 745]). Об этой же женщине упоминает Б. Хаген: «Он остерегался также показываться туземцам нагим или обнажать части своего тела. Но в особенности он был осторожен в отношениях

с женщинами и никогда не искал случаев сношения с ними. Объяснение того факта, что в Бонгу живет дочь Миклухи-Маклая, заключается в обычае папуасов давать их новорожденным имена дружественных и по возможности видных или сильных людей. Нередко дети папуасов получают от их родителей европейские прозвища, часто с согласия, а то и без разрешения и знания о том носителей этих имен» [Хаген 1903: 248].

Обычай давать имена в честь значимых людей широко распространен в разных деревнях Берега Маклая. В 1913 г. миссионер А. Ханке совершил путешествие в горную деревню Янау, в которой надеялся найти желающих принять крещение. Незадолго до возвращения домой к нему подошел один из пожилых жителей деревни. Ханке пишет: «Он объяснил через переводчика, что его ребенка, которому было примерно три месяца, звали Ханке. Естественно я подарил маленькому человеку подарок, и, таким образом, нить, связывающая нас, стала еще прочнее» [Das Archiv der VEM, 2.149 Hanke 4, S. 7].

В 1960-е годы обычай продолжал существовать. В 1966 г. во время одного из первых заходов советского судна «Витязь» в бухту Маданга штурман дальнего плавания, гидрограф, специалист по истории географических знаний и топонимике В. Гурецкий познакомился с лютеранским миссионером из Маданга Диком Хейтером. Дружба переросла в переписку. Миссионер писал в одном из писем: «И я знаю одного папуаса из деревни Бонгу и двух из окрестностей Маданга — всех троих зовут Маклаями» [Гурецкий 1969: 89].

Кэрол Дженкинс, исследовавший народ амеле в 1982–1984 гг., пишет: «В одной из деревень амеле — Умуине, так же как и на острове Били-Били и в других местах, в честь него (Миклухо-Маклая. — А.Т.) называли детей. В Умуине ребенка называли Макель. Это имя и сейчас используется у людей Амеле» [Jenkins 1988: 182].

Обычай давать детям имя «Маклай» существует и в настоящее время. В ходе расспросов в деревне Бонгу нам было сказано, что и сейчас несколько человек носят имя «Маклай». Кроме того, нам известно, что имя «Маклай» носят несколько человек на острове Багабаг [ПМА 2010].

**Третий тип воспоминаний** — так называемые географические предания. Впервые на них обратил внимание Д.Д. Тумаркин. В частности, он писал: «Вот деталь, казалось бы, несущественная, но на самом деле красноречивая и волнующая: тропинка из Бонгу на мыс

Бугарлом, где в 1876–1877 гг. жил тамо-русс, до сих пор называется *гом Маклай* — “тропа Маклая”» [Тумаркин 1975: 41]. В 2010 г. нам тоже показали «гом маклай», однако это была тропа, ведущая от вемуна Горенду до мыса Гарагаси, где Миклухо-Маклай жил в 1871–1872 гг. Нам также сказали, что во время второго пребывания в Бонгу исследователь жил в самой деревне на мысу Бугарлом. Кроме того, папуасы продемонстрировали то место, где располагался загон, в котором в 1883–1884 гг. находились привезенные им бычок и телки. В этом месте сейчас находится церковь и могила Самуэля Парива.

Аналогичные предания записала М. Меннис на острове Били-Били: «Обернувшись, Маджар показал на широкий уступ позади нас: “Это Айру, где наши люди построили хижину для Маклая”. <...> Маджар объяснил, почему они выбрали именно это место: “Маклай обычно останавливался тут и всматривался в море в ожидании русского корабля. Наши люди построили ему здесь хижину, чтобы он мог здесь спать. Отсюда виден и Берег Рай, и выход в океан”» [Меннис 1989: 119]. Как видно, оба предания весьма историчны и точно передают то, что делал Миклухо-Маклай.

В конце 1930-х годов у жителей ближайших окрестностей Маданга австралийским лютеранским миссионером Эмилем Ханнеманом была зафиксирована своеобразная «История Маданга» от древнейших времен до прихода европейцев: «Сначала были времена великой тьмы: пепел, пемза и ракушки падали и уничтожали наш урожай; затем люди были заражены “siasi” (оспой) и умирали в больших количествах. После того как разразилась эпидемия “disidus” (корь) последовала “daz idu” (дизентерия). Потом было еще одно большое землетрясение и большая приливная волна. Когда это все прошло, появился первый “yakas wag” (корабль с дымом), про который говорили, что это корабль Анут (tibud). Корабль проплыл мимо нас и пристал в Бонгу» [Hannemann 1996: 52]. Если «историческая» часть этого предания вызывает множество сомнений и затруднений, то «географическая» часть чрезвычайно точна и верна.

Впрочем, иногда часть географических преданий получает мифологический оттенок. В настоящее время большая часть вемуна Горенду проживает в деревне Бонгу. Однако эти люди отчетливо помнят, что изначально деревня Горенду располагалась недалеко от мыса Гарагаси. Эти земли до настоящего времени считаются принадлежащими роду Горенду, и именно там находятся огороды,

которые возделывают члены клана. По рассказам Сета Багуна, «в 1979 г. старейшина рода Гасом Каму переселился на то место, где Горендук находилась во время приезда Маклая. В 1992 г. весь клан Гумбу вернулся на свои земли. В прошлом люди переехали в Бонгу из-за болезней и стихийных бедствий. Люди Горендук и Гумбу переселились в Бонгу, когда пришли немцы и разбили плантации кокосов. Скоро весь Горендук переедет на свои земли. Когда вы приедете в следующий раз, деревню будет не узнать» [ПМА 2010].

Таким образом, географические предания отличает большая точность: место проживания Миклухо-Маклая в первый и второй приезды не меняет своего расположения. Те земли, на которых деревни располагались во «времена Маклая», воспринимаются как «правильные», а переселение на них представляется как путь к благоденствию.

Единственное, что меняется в географических преданиях, — это трактовка названий. Так, побережье Рай, как заявили местные жители, является сокращением от английских слов “Russian coast”. Версия эта неверна исторически, поскольку название побережья «Рай» встречается в дневниках ученого. Вместе с тем такая версия происхождения названия хорошо соотносится с другими «русскими» аспектами бонгуанской мифологии (подробнее об этом см: [Тумаркин 1984]).

**Четвертый тип воспоминаний** можно условно назвать «русские слова в папуасских языках». Одним из наиболее ярких свидетельств о пребывании русского исследователя в заливе Астролябии является ряд русских слов, вошедших в местные языки. Наиболее известные из них — это «топор», «кукуруза» и «арбуз». Однако «русские слова» составляют нечто большее, чем просто несколько лексических единиц в языках папуасов. С так называемыми «русскими словами», многие из которых никакого отношения к русскому языку не имеют, связаны особые представления о роли и помощи Маклая в освоении папуасами европейских знаний.

Впервые русские слова в языках папуасов описал немецкий путешественник, орнитолог, а в дальнейшем колониальный служащий Отто Финш. Он описывает две интересные ситуации, с которыми он столкнулся в 1884 г. во время посещения деревни Бонгу. Так, он пишет, что «в заливе Астролябии мы увидели дынное дерево (*Carica papaya*), называемое “папайя”, дыни и тыквы, и те и другие, называемые “арбус”. В звучании этих слов можно легко заметить

иноземное влияние. Как только был задан вопрос об этом, сразу звучало имя “Маклай”, поскольку именно он впервые принес эти растения (среди прочих также кукурузу “кукурус”) папуасам в подарок» [Finsch 1888: 61]. Финш не знал языка местного населения, хотя Миклухо-Маклай научил его нескольким словам на языке Бонгу. Очевидно, что общение было затруднено. Слово «Маклай» в данном случае было универсальным ключом, который прояснял темные моменты и делал общение более простым.

Вторая ситуация непосредственно связана с рождением легенды о «русских словах». Финш писал: «Никогда бы мне не могло прийти в голову, что немногие русские слова, которые я выучил за время поездки в Сибирь, смогут пригодиться мне еще раз среди так называемых дикарей Новой Гвинеи. Но так случилось! “Глеба” (Chljeb = Brot), “тапорр” (Топор = Beil), “скирау” (Ssjekrá = Axt), “ноша” (Nosh = Messer), постоянно повторяясь, звучали в речи папуасов. Впрочем, эти слова исчерпывали все знания русского языка. Как люди, которые жили в достатке, они требовали не хлеб, поскольку он едва ли пользовался спросом, а лишь железо. За все, даже за самые маленькие вещи, они хотели получить “тапорр” или “скирау”. За “ноша” они давали намного меньше, а прочие предметы, такие как зеркала, стеклянные бусы, кольца и т.п., интересовали только женщин и молодежь».

Если слово «тапорр» прочно вошло в язык Бонгу и ряда соседних племен, то слова «скирау», «ноша» и «глеба» вызывают серьезные вопросы. Во-первых, сам О. Финш не был большим знатоком русского языка, как он свидетельствует сам, русские слова он выучил во время путешествия по Сибири. Если в слове топор ошибок нет, то в словах «глеба» и «ноша» намного сложнее увидеть соответственно слова «хлеб» и «нож». А уж «сьекра», как транскрибирует его сам Финш, весьма отдаленно напоминает слово «секира».

Во-вторых, тот факт, что папуасы произносили слова, которые Финш считал русскими, не означал, что эти слова прочно вошли в бонгуанский лексикон и регулярно используются жителями Бонгу. Миклухо-Маклай так описывает свой опыт «языкового» общения с папуасами: «...у диких племен вообще есть обыкновение повторять ваши слова. Вы говорите, указывая на хороший предмет: “Казь”; туземец вторит вам: “Казь”, и вы думаете, что он понял вас, а папуасы думают, что вы говорите на своем языке, и стараются запомнить, что вы такую-то вещь называете “казь”» [Миклухо-

Маклай I: 148]. Логично предположить, что кратковременный опыт общения Финша с папуасами и отделенное представление о русском языке породили в его воображении, а затем и в текстах воспоминания о словах «ноша» и «скирау». Некритичное отношение к этим материалам привело к тому, что недобросовестные наблюдатели обнаружили слово «ножа» даже в западной части Папуа — Новой Гвинеи.

В словаре языка бонгу Августа Ханке, который считается одним из лучших словарей папуасских языков, слова «глеба» и «ноша» отсутствуют [Hanke 1909]. Вместе с тем там имеется слово “tapor”, о котором написано, что оно заимствовано из русского. “Sirau” — нож (никаких указаний на заимствование этого слова из русского Ханке не дал), причем металлический нож в словаре обозначен как “buga sirau” — нож злого духа. Кроме того, упомянуты “gugrus” — кукуруза, “rapai” — дынное дерево. Слово «арбуз», хотя и отсутствует в основной части словаря, тем не менее упоминается как сохранившееся со времен Миклухо-Маклая во введении. Также интересно, что слово «рис» произносилось в языке бонгу как “gis”, а не как “rais”, что также может свидетельствовать о заимствовании из русского языка.

По всей видимости, слово «глеба» принадлежит к плодам фантазии О. Финша. Логично предположить, что слово, обозначающее неизвестный папуасам вид пищи, в их языке отсутствует. В местной культуре аналогом хлеба является ямс. Слово «ноша» ни в одном из известных автору словарей не зафиксировано. А вот слово «сирау», судя по всему, является аутентичным местным словом. В записях Миклухо-Маклая, содержащих слова и образцы речи туземцев Берега Маклая, слова, похожие на «сирау», зафиксированы в ряде деревень: деревня Сингор — «серай», деревня Телят — «сelay». В языке деревни Богатым это слово также встречается, но только для обозначения ножа из бамбука: “serie” [Hoffman 1899: 295].

По всей вероятности, связь с бамбуком имеет определяющее значение. Помимо слова “sirau”, А. Ханке приводит также слово “rau”, которое обозначает «стена из расщепленного и сплетенного бамбука» [Hanke 1909: 203]. Пример, когда слово, обозначающее постройку, переносилось на название материала постройки, общеизвестен — это буамбрамра из дневников Н.Н. Миклухо-Маклая. Исследователь предполагал, что этим словом папуасы обозначают мужской дом. А. Ханке, более детально изучивший язык бонгу,



пишет, что мужской дом обозначается словом «бодьо». Буамбрама, как выяснилось позже, обозначает плетеную стену из листьев саговой пальмы [ПМА 2010] (см. также примечание № 52 в: [Миклухо-Маклай I: 415]). Возможно, что и слово “rau” обозначает скорее расщепленный бамбук. Например, в языке богатым слово “rau” значит бамбук [Hoffman 1899: 293, 295].

Возможно, что слово “sirau” первоначально обозначало именно бамбуковый нож, иными словами, расщепленный бамбук. Как уже говорилось, для обозначения железного ножа к слову прибавлялось название злого духа “buga sirau”, а при обозначении ножа из кости казуара также добавлялось определение “дыюра сугхле сирау” — нож из кости казуара [ПМА 2010]. Видимо простой, обыкновенный, «эталонный» нож был именно из бамбука, и именно он обозначался словом «сирау» без дополнительных уточнений. К слову «секира» он никакого отношения не имеет.

Помимо языка Бонгу, на рубеже XIX–XX вв. русские слова вошли в языки некоторых других народов Берега Маклая. На языке бом (деревня Богати в дневниках Миклухо-Маклая. — А.Т.) железные топоры назывались “taporr”, кукуруза — “gurkus”, некоторые виды тыкв и папайи — “abrus” [Hoffman 1899: 293, 295]. На языке жителей острова Били-Били топоры назывались “sapor” [Dempwolff 1909: 258]. Названия же полевых растений, которые привез в Бонгу русский путешественник, в языке Били-Били не закрепились, что, по всей вероятности, связано с незначительным развитием земледелия на острове. Впрочем, Отто Финш пишет, что плоды дыни и тыквы на Били-Били называли словом «Маклай» [Finsch 1888: 51].

Следует также отметить, что в большинстве языков слово “taporr” не полностью вытеснило старое название инструмента. Немецкий путешественник Гуго Цёллер, изучавший языки Берега Маклая в конце XIX в., сообщал, что железные топоры назывались “taporr”, в то время как каменные топоры сохранили свое прежнее наименование — “planis” [Zölller 1891: 383]. В ходе восхождения в горы Финистерр Цёллер отметил, что в деревне Кадда, находящейся примерно в 12–15 км от Бонгу вверх по реке Габенау, у жителей напрочь отсутствуют железные топоры. В деревне не растут кокосовые пальмы, а многочисленные плоды папайи они называют словом, похожим на «маклай» [Ibid.: 99].

В деревне Паним, расположенной в глубине острова примерно в 10 км от современного Маданга, топор обозначался словом «тса-

поль», в котором также очевидно угадывается искаженный русский прототип [Demrwolff 1905: 246]. Язык паним относится к языковой семье Мабусо, близкой к языковой семье Побережье Рай.

В феврале 2012 г. автор работал в архиве Объединенной евангелической миссии в городе Вупперталь (Германия). Здесь собраны все словари, составленные лютеранскими миссионерами в первые десятилетия XX в. Это машинописный словарь языка Богатим, составленный миссионером Георгом Эйфертом [Das Archiv der VEM, 2.997 Bogadjim], и словарь языка Сиар-Пагетта, составленный миссионером Генрихом Хельмихом [Das Archiv der VEM, 2.148 Helmich]. Язык богатим — это немецкое обозначение языка бом, который состоит в близком родстве с языком бонгу. Язык сиар-пагетта относится к австронезийской филе языков и чрезвычайно близок языку били-били. К этим словарям следует добавить «лучший» словарь папуасских языков — Словарь языка Бонгу А. Ханке. Ни в одном из этих словарей нет слова «маклай».

Впрочем, Август Ханке описывает историю, в которой имя Маклай используется как нарицательное: «В мае этого года эти напуганные люди (1913 г., люди племени рауа. — А. Т.) пришли с детьми и семьями со своих горных высот, чтобы на побережье выменять железные инструменты: ножи, топоры, долота — на свиней, собак, миски, стрелы и луки у “Маклая”. Так они еще называют европейцев в честь первого белого человека, русского, который в 70-е годы предыдущего столетия жил здесь в заливе Астролябии, и был очень близок с папуасами. С тех пор как я побывал у джеба, их ближайших соседей, которым непосредственное общение с “Маклаем” не только ничуть не повредило, но даже дало очевидные преимущества, рауа желали вступить в непосредственные отношения с удивительным белым человеком» [Das Archiv der VEM, 2.149 Hanke 4, S. 1].

Уместно предположить, что слово «маклай» использовалось при общении папуасов и европейцев, обозначая все нововведения в жизни жителей Новой Гвинеи: папайи, арбузы, топоры и т.д. По мере установления более прочных отношений, изучения местных языков необходимость в универсальном слове-посреднике пропала. Однако словом «маклай» продолжали обозначать всех белых людей те папуасы, которые еще не имели с ними регулярных контактов.

Во второй половине XX в. поиски русских слов продолжили путешественники и исследователи из СССР. Уже упоминавшийся штурман В.Е. Гурецкий лично слышал употребление слова «топор»

жителями одной из деревень рядом с Мадангом (по всей вероятности, дер. Грагер. — *А.Т.*). Он пишет: «На судовом катере мы совершили экскурсию на острова архипелага Довольных людей. На одном из них, Паэовой (на карте, приложенной к статье, название написано как “Пазован”. — *А.Т.*), провели почти весь день, собирая кораллы... С лежащего поблизости островка Массас — на нем виднелась папуасская деревня — подошла пирога... Дружно стучали топоры, вырубая первые грубые очертания пироги. И тут я совсем неожиданно услышал, что свое орудие они называют “тапор”. Однако никаких других русских слов мне от них узнать не удалось».

Австралийский лютеранский священник Дик Хетер в письме написал В.Е. Гурецкому еще о нескольких «русских словах», распространенных во многих деревнях залива Астролябии: «К названиям культур, привезенных сюда Маклаем, папуасы прибавляли его имя. И вот сейчас мы узнаем, что названия многих местных овощей и фруктов до сих пор сохранили это имя, например “Maclay cucumber”, что значит “огурец Маклая”» [Гурецкий 1969: 89]. Во время работы советских ученых на Берегу Маклая в 1971 г. Д.Д. Тумаркин зафиксировал, что слово «топор» произносилось как «схапор». Он также подтверждает, что ко многим словам прибавляется имя ученого: «дыгли Маклай» (огурец), «валю Маклай» (тыква) [Тумаркин 1975: 41]. Другой участник этой экспедиции, фольклорист Б.Н. Путилов, указывал, что корову называют словосочетанием «бик Маклай» [Путилов 1981: 55].

На мой взгляд, наиболее интересным из приведенных фактов будет изменение слова топор и «переименование» тыквы с сохранением ее в списке «русских слов». Со словом «топор» проблема может быть решена следующим образом. Слово “sarog” было зафиксировано для обозначения топора в начале XX в. у папуасов острова Били-Били. Учитывая их более высокое культурное положение и более высокий социальный статус этого торгового племени, возможно предположить, что заимствование тамоле-бонгу произношения билибильцев является «опущенной традицией», по терминологии В.Э. Мюльмана: элементы культуры заимствуются менее статусными группами у более статусных.

С обозначением тыквы дела обстоят сложнее. Исследователи языков округа Маданг обращали внимание на то, что все плоды с сочной мякотью папуасы именовали одним словом. В Бонгу этим словом было слово “abrus”. По предположению С.Р. Варшавского,

вероятно, такое объединение связано с тем, что «Маклай частенько в разговоре называл тыкву хорошо известным ему украинским словом “гарбуз”, и папуасы восприняли слово, опустив гортанное “г”» [Варшавский 1968: 88].

По мере увеличения количества европейцев на Берегу Маклая менялись и названия европейских предметов и растений. Вместо русских названий приживались сначала немецкие, потом английские. Миссионер Э. Ханнеман пишет про неопределенных туземцев округа Маданг, что «среди разных растений, которые он привез, были тыква, дыня и семена папайи, некоторое количество ананасов и т.п. Семена крупных видов папайи, которыми местные жители до этого не владели, они стали называть “tibus melaun”» [Hannemann 1996: 53]. Слово «тибуд» обозначает «божество, духа предков» на ряде диалектов Берега Маклая, а также на пиджин-инглиш. Слово «мелаун» — очевидно, калька с английского слова “melon” — дыня. В общем, словосочетание можно перевести как «плод духов предков». Таким образом, в 1930-е годы русское слово было утрачено, но представление о его связи с Миклухо-Маклаем осталось.

Кэрол Дженкинс, работавший в районе деревни Амеле в 1982–1984 гг., зафиксировал производное слово от имени русского ученого. В частности, Дженкинс отмечает: «Он (Миклухо-Маклай. — А.Т.) ввел в культуру папуасов новые растения, такие как ананасы, тыквы, некоторые виды бобов и несколько видов папайи, до сих пор известную в Амеле под именем “Маклейлика”» [Jenkins 1988: 182].

В ходе поездки в 2010 г. я столкнулся со следующей ситуацией. В первый день пребывания в Бонгу один из папуасов, предлагая вскрыть кокосовый орех, протянул мне топор и сказал: «Схапор». В ответ на мое непонимание он добавил: «Схапор-тапор». Судя по всему, в настоящее время вследствие регулярных посещений деревни русскими туристами (не менее двух раз в год) папуасы вновь получили представление о правильном произношении русского слова «топор», вместе с тем в повседневном языке сохраняется форма «схапор», возникшая под влиянием языка били-били.

Кроме того, когда мы попросили назвать русские слова в языке Бонгу, хозяин дома, в котором мы останавливались, Сет Багун ответил: «Маклай дал людям семена дыни, фасоли, кукурузы, огурцов и тыквы. Эти растения мы называем русскими именами: “абрус” (дыня), “мокар” (фасоль), “гугруз” (кукуруза), “дигли” (огурцы) и “уалю” (тыква)» [ПМА 2010]. Все эти слова зафиксированы

А. Ханке в начале XX в. и представляют, таким образом, изначальный (относительно времени контактов с европейцами) словарный фонд языка бонгу.

Приведенные примеры показывают, что количество слов, которые увязываются с Миклухо-Маклаем, постоянно увеличивается. Кроме того, если в 1970-е годы связь слов с памятью о Миклухо-Маклае подчеркивалась прибавлением имени ученого, то в настоящее время эти слова называются русскими. Как сказал нам один из жителей: «У нас в языке есть русские слова. Мы даже немного понимаем, когда вы говорите по-русски» [ПМА 2010]. Это показывает, что слова «русского фонда» в языке Бонгу не являются подлинными заимствованиями. Они представляют собой часть мифологического мировоззрения, в котором связь с Маклаем, а впоследствии «русскость» или отнесение к заимствованиям из русского выполняют определенные функции.

*Пятый тип воспоминаний* составляют собственно легенды о Миклухо-Маклае. Их, в свою очередь, тоже очень условно, можно разделить на две группы. В первую, наиболее многочисленную, войдут небольшие мифологические рассказы, в которых действует Миклухо-Маклай. Назовем их «краткими преданиями». Эти рассказы, как правило, лишь опосредованно связаны с историческими событиями. Они широко распространены в ряде деревень Берега Маклая. Рассказы второй группы намного более «историчны», или, точнее сказать, похожи на исторические. Назовем их «полными преданиями». После пересказа такого предания наш информант Гасом Каму показал нам книгу Б.Н. Путилова «Миклухо-Маклай» на английском языке. В ней на нужных страницах были сделаны закладки, а многие сюжеты рассказа были явно заимствованы из книги.

Дополнение самого «полного» устного предания за счет письменных источников отмечал в 1977 г. Д.Д. Тумаркин: «Публикации дневников и особенно радиопередачи не могли не оказать влияния на представления о тамо-русс у жителей Берега Маклая. Первые признаки такого влияния мне довелось наблюдать в 1977 г. во время пребывания в Бонгу. Ограничусь одним примером. Рассказав нам три предания о Маклае, пастор Абудзь неожиданно добавил: “А знаете, Маклай был мастер на выдумки. Он похоронил своего умершего слугу в море, а нам намекнул, что тот улетел в Россию”» [Тумаркин 1997: 165].

Второй вид преданий «принадлежит» потомкам Туя. Как рассказал нам праправнук Туя Гасом Каму, «у Туя было три сына: Бонем рано умер, Лилай не женился, дети были только у Ассела, его звали Аселл Туй. Сыном Аселла был Тейиб Аселл, сыном Тейиба — Каму Тейиб». Сыном Каму является нынешний старейшина клана Горендук (местные жители произносят именно так. — *А.Т.*) Гасом Каму. Именно от Каму Тейиба были записаны в 1971 г. две истории о пребывании Миклухо-Маклая в Бонгу. Д.Д. Тумаркин писал: «Наша группа записала в Бонгу на магнитофонную ленту три варианта предания о тамо русс: два — от деревенского старосты Каму (на пиджин-инглиш), один — от самого старого жителя деревни Танога» [Там же: 162]. В 2010 г. наиболее полное предание было записано от Гасома Каму.

Мы остановимся более подробно на легендах первого типа. Именно они наиболее ярко демонстрируют черты мифологического сознания эпохи аккультурации.

*Легенды о культурном герое.* Первое впечатление о прибытии русского корабля было сформулировано туземцами дер. Богатым в рамках мифа о предках. Эта легенда была зафиксирована миссионером Томасом. Ее пересказ приведен в статье Б. Хагена для журнала «Землеведение»: «Когда жители Богадьим и Бонгу заметили дым “Витязя” в море, у них явилась мысль, что пришел конец свету. Богадьим-тамо (так называют себя сами туземцы-мужчины) поспешили перебить массу свиней и собак, сначала, может быть, с целью умиловить эту жертвой великого духа, а затем, как они сознавались, г. Гофману — и с намерением поесть получше перед последним концом. <...> Но когда прошел день и ничего особенного не произошло, то они снова вылезли и набрались настолько храбрости, что решились посмотреть, куда направилось “морское чудовище”, большой корабль. Когда тамо Богадьима узнали от жителей Бонгу, что прибыли белокожие люди, они сначала обрадовались, так как полагали, что это вернулся к ним “Ротей” (Rotej — великий прадед или дух). Многие мужчины из селения Богадьим направились в лодках к военному кораблю, чтобы поднести подарки Ротей. <...> Но, когда они покинули корабль и стали грести к берегу Бонгу, вдруг раздался пушечный выстрел. Со страха тамо прыгнули из лодок, бросили полученные подарки и пустились к берегу вплавь. Вернувшись к своим, они объявили в ужасе, что это не Ротей посетил их, а Бука (“сам злой”» [Хаген 1903: 246].

Данное предание показывает, насколько реальные события воспринимались через призму мифологического сознания. Здесь практически отсутствуют «реальные» (безусловно, в европейском смысле отражения реальности. — *А. Т.*) описания событий: не указано, как выглядел корабль, Н.Н. Миклухо-Маклай, что он подарил людям Бонгу и Богатым и т.д. Первая встреча с русским путешественником описывается именно как встреча с духом. Причем из данного описания трудно понять, кого считали духом — самого Миклухо-Маклая или корабль.

Первое предание, в котором именно Маклай выступает в качестве культуртрегера, зафиксировано в самом начале XX в. О. Демпвольфом от двух жителей острова Били-Били в Дар-эс-Саламе, куда билибильцы прибыли для службы в колониальных военных частях. В русском переводе оно приводится в статье Н.А. Бутинова: «Наши предки раньше не работали. Они выменивали пищу у людей Сиар и Грагер за горшки. Теперь мы сами работаем, но раньше наши предки не работали, они жили доходами от гончарства. Тогда пришел Маклай и дал им — дал нам — железо; теперь мы работаем с помощью ножей и топоров. Маклай говорил: “О, люди Били-Били, идите с моими ножами, с моими топорами, которые я вам дал, на плантации и обрабатывайте поля, работайте и ешьте, ваши каменные топоры не острые, они тупы. Бросьте их в лес, они плохие, не годятся, они тупы”. Так говорил Маклай, а также Кубари» [Бутинов 1950: 749].

В этом переводе есть одна неточность. В немецком тексте О. Демпвольфа написано: «Маклай говорил: “О люди Били-Били, идите с моими ножами, с моими топорами, которые я вам дал, на материк (*dilnde* на языке били-били, *aufs Festland* — на немецком) и обрабатывайте поля...”» [Demwloff 1909: 258]. Предание было зафиксировано в марте—апреле 1906 г. За два года до этого, в 1904 г., произошло восстание папуасов, известное в устных преданиях как бунт Сиар. После этого жители небольших островов (Били-Били, Ябоб, Грагер, Сиар и Риво) были переселены на материк по приказанию колониальной администрации. По всей видимости, для мифологического обоснования необходимости переселения возникло это первое предание. Здесь Миклухо-Маклай и Ян Кубари выступают как два культурных героя, установивших определенный порядок жизни — проживание на большой земле.

Важно отметить, что в своих дневниках Миклухо-Маклай не упоминает предложений жителям Били-Били переселиться на по-

бережье. Мы имеем дело с текстом, не являющимся производным от исторических фактов, а объясняющим суть исторического события исходя из мифологической картины мира. Ни Миклухо-Маклай, умерший в 1888 г., ни Кубари, умерший в 1895 г., в действительности не имели отношения к переселению 1904 г.

**От культурного героя к карго-культам.** Этот раздел необходимо отделить как от традиционных преданий о культурных героях, так и от карго-преданий, поскольку процессы аккультурации у папуасских племен протекали неодновременно. В 1930-е годы, в то время как на Берегу Маклая стали зарождаться карго-культы, в удаленные от побережья районы истории про Миклухо-Маклая только начинали проникать. Здесь они стали конституироваться в особый род преданий. В этих преданиях главный персонаж (который носит имя и Магарай, и Магруай, и различные другие, не похожие на имя русского ученого) не является культурным героем. Он не учит местных жителей сажать растения, заниматься земледелием и т.д. Вместе с тем этот персонаж не может быть назван карго-божеством, потому что он не призывает к борьбе с белыми людьми, не дарит европейские товары. Также немаловажно, что бытование этих историй не приводит к появлению пророков, начинающих активную реорганизацию жизни своего народа на основании карго-легенд. Таким образом, эти легенды являются промежуточным этапом между традиционными мифами о культурных героях и преданиями о карго-божествах. Это одна сторона проблемы.

С другой стороны, главные действующие лица этих историй имеют много общего с их историческим прототипом — Николаем Николаевичем Миклухо-Маклаем. Так, во многих легендах этот персонаж ходит от деревни к деревне. Он не навязывает никому европейские товары, не пытается заставлять папуасов выполнять свои приказания, но интересуется черепами различных животных и знает языки и обычаи папуасов. Очевидно, что функция этих легенд-преданий заключается в том, чтобы подчеркнуть важность традиционной культуры. Именно из этого тезиса в дальнейшем разовьются классические карго-культы 1950—1960-х годов.

Одно из первых преданий такого рода было зафиксировано Э. Ханнеманом в 1930-е годы у племени Грагед в окрестностях Маданга. Образ Миклухо-Маклая сохраняет черты культурного героя, но вместе с тем приобретает новые черты, характерные для последующего периода карго-культур. Миссионер пишет: «Неко-



торые жители Грагеда говорят, что у него под мышкой была большая книга и он говорил: «Ваши обычаи должны быть такими-то и такими-то» [Hannemann 1996: 53]. С одной стороны, перед нами существо, которое учит традиционному образу жизни, т.е. культурный герой. С другой стороны, его описание — «книга под мышкой» — подчеркивает, что это европеец. Этот образ, по всей видимости, сложился под воздействием внешнего облика миссионеров, которые чаще всего попадали в поле зрения местных жителей. Сам Миклухо-Маклай, судя по его дневниковым записям, не гулял по деревням с книгой под мышкой. Кроме того, он учит обычаям, что нетрадиционно для «настоящих» европейцев, которые либо проповедовали христианство, либо заставляли работать на плантациях. Сюжет об «обучении традициям», подчеркивающий важность традиций по сравнению с европейской культурой, свидетельствует о том, что в сознании папуасов происходят важные сдвиги.

Очень похожее действующее лицо описали миссионеры Рейнской евангелической миссии во время праздника миссии в поселении Фулуму. В отчете миссионера Шётлера за вторую половину 1930 г. говорится: «Другой радостный праздник аборигенов — ежегодный праздник миссии, который каждый раз проводится в новой деревне. В этот раз на очереди была Фулуму. Я каждый раз радуюсь, когда путь лежит в Фулуму, поскольку там работает один из наших лучших помощников, которого зовут Аик. Он пользуется большим уважением среди своих соплеменников. В этом году жители Фулуму пригласили людей преимущественно из тех деревень, в которых проживали их односельчане, а из прочих деревень общины (имеется в виду христианская община с центром в Амеле. — *А.Т.*) позвали несколько человек персонально. Но все равно вместе с приглашенными пришло множество других людей.

В центре деревни был воздвигнут огромный помост, на который клали всех свиней. Праздник начался со стрельбы по кокосу из лука. Лишь немногим удалось попасть в цель, поскольку она висела очень высоко. В качестве изюминки нам был показан боевой танец, который в прошлом регулярно исполнялся на праздниках. Среди участников танца был также «белый дьявол» (в машинописном варианте подчеркнуто. — *А.Т.*), который во время танца громко говорил танцующим, что они должны делать так-то и так-то. Позже нам объяснили, что раньше местные жители всегда танцевали этот та-

нец, а теперь, поскольку они стали христианами, они оставили его» [Das Archiv der VEM, 2.996 Amele, S. 271].

Два сюжета сближают «белого дьявола» и «Маклая» в описании туземцев племени Грагед: это белый цвет кожи и наставления в том, как надо совершать те или иные обычаи и ритуалы. Этих мотивов недостаточно, чтобы полностью отождествить данного персонажа с Миклухо-Маклаем. Вместе с тем эти два ключевых признака, с одной стороны, вполне соответствуют описаниям Миклухо-Маклая в других легендах. С другой стороны, они точно характеризуют сказания эпохи перехода к карго-культам. Некое действующее лицо не учит местных жителей, не дает им новое знание, богатства и блага. Это лицо руководит известными всем ритуалами, тем самым подчеркивая их важность.

Наиболее широкое распространение предания о белом человеке, пришедшем незадолго до других белых, получили у племени симбу (в прошлом неправильно именовались чимбу). В 1985–1988 гг. американский антрополог Карл Рэмбо зафиксировал 37 вариантов преданий о существовании Магруай в различных деревнях племени симбу по рекам Коро и Симбу. Он пишет: «В провинции Симбу Папуа — Новой Гвинеи рассказывают истории о человеке, называемом Магруай, который путешествовал по землям Симбу когда-то после 1928 г. и до первых патрулей, разведчиков, правительственных офицеров и миссионеров в 1933–1934 гг.» [Rambo 1990: 177]. Указание на то, что Магруай пришел к местным жителям незадолго до прихода европейцев, чрезвычайно важно для нас. Во-первых, это соответствует историческим фатам. Н.Н. Миклухо-Маклай действительно побывал у папуасов за несколько лет до того, как у них появились европейские миссионеры и служащие Германской новогвинейской компании. Указание на 1928 г. для нас не принципиально, поскольку эта дата реконструирована самим К. Рэмбо. Он рассчитал ее, исходя из того факта, что «австралийские первопроходцы появились в районе Кероваги в 1933, а в 1934 г. лютеранские миссионеры основали станцию на том месте, где сейчас находится город Кероваги» [Ibid.]. Во-вторых, совершенно четко определяет для нас «мифологическое время»: до карго-культов, но уже позже классических культурных героев.

Автор сообщает интересный факт о происхождении существа Магруай: «Несмотря на то что он никогда об этом (о своем происхождении. — *А.Т.*) не говорил, все считали, что он пришел из района

Бунди или современной провинции Маданг. В историях о его происхождении заявляется, что он соскользнул прямо с неба на “громовой стреле” и попал в ловушку для сумчатых на дереве. С тех пор он очень сильно боялся гроз». Если вспомнить рассуждения о точности географических указаний и неточности отражения конкретных фактов и действий в мифах, то, очевидно, наиболее важным указанием в приведенном отрывке для нас будут район Бунди и провинция Маданг. По всей вероятности, под «происхождением героя» более точно понимать исходный регион бытования легенды. Что же касается попадания в ловушку для сумчатых и спуска с неба на громовой стреле, то эти сюжеты можно будет прояснить позже, после знакомства с самими преданиями.

Описание Магруая не вызывает симпатии к нему: «Он был очень низкого роста (маленький как мальчик), отвратительный, растрепанный, который носил ненужный (cast-off) пояс и набедренную повязку и никогда не причесывался» [Ibid.: 179]. Можно попытаться увидеть в этих указаниях реальные исторические факты. Пышная шевелюра Миклухо-Маклая действительно выглядела для папуасов как непричесанная. Однако это положение — лишь догадка и не может быть верифицируемо. А свидетельство о низком росте ученого явно не соответствует истине.

Карл Рэмбо видит в таком описании особую логику мифа. Магруай представляется не таким, как классические бигмены и лидеры симбу, а их противоположностью. Исследователь пишет: «Характерные (или стереотипные) представления о бигменах таковы: они имеют крепкое, могучее телосложение, обладают способностью убеждать других людей и вообще талантливые ораторы. Идеальное физическое развитие, гладкая, блестящая кожа, красивые и дорогие украшения из раковин и перьев, обилие жен, детей, свиней и союзников — эти качества, приписываемые бигменам, контрастируют с описанием Магруая. Магруай — это стереотипный маргинал, маленький, нечесанный и некрасивый, не имеющий собственных украшений и другого имущества, вынужденный питаться крысами и растениями с чужих огородов» [Ibid.: 185]. С этими доводами следует согласиться, потому что они учитывают целый ряд мировоззренческих и культурных особенностей симбу.

Однако все указанные черты Магруая в преданиях, если называть их другими словами, не только противопоставляются чертам бигменов, но и сильно напоминают характеристики христианских

праведников, а также ряд черт самого Иисуса Христа в легендах: пренебрежение к внешнему виду, нежелание иметь собственность, путешествия из одного селения в другое. Как пишет К. Рэмбо, в ряде легенд, распространенных среди младшего поколения информантов, сходств с Иисусом Христом намного больше.

Так, одна из наиболее распространенных историй, которую К. Рэмбо слышал множество раз в различных вариациях, повествует, «как Магруай взял листья одного из местных огородных растений — рунджии — положил их в бамбуковый сосуд и приготовил на огне. Когда он открыл сосуд, там были горы пищи — достаточно, чтобы накормить всех желающих, а кроме того множество еще осталось» [Ibid.: 180]. С одной стороны, тема магического изобилия характерна для других историй племени симбу. С другой — очевидна связь сюжета этой истории с евангельской историей о насыщении 5 тыс. людей пятью хлебами. Как и в истории о Магруае, после трапезы еще осталось множество еды: «Набрали оставшихся кусков двенадцать полных корзин».

Другая история о Магруае похожа на сюжет о хождении по водам: «Он находился какое-то время в районе места, которое называют Дирекуле. Пребывание Магруая закончилось тем, что один из мужчин разозлился на него за собирание листьев рунджии на его огороде и бросил его в реку Коро. В этой реке стремительное течение, но Магруаю удалось вскарабкаться на воду, как на канат, и выбраться с другой стороны потока» [Ibid.]. По мнению Рэмбо, со временем сюжетов, сближающих Магруая и Иисуса Христа, в преданиях симбу становилось все больше, например сюжет о молитве Магруая и ряд других. Иными словами, из первоначального героя, противопоставлявшегося бигменам, Магруай трансформировался в существо со многими чертами христианского божества.

Вместе с тем ряд историй о Магруае совпадает с описанием курьезных ситуаций, приведенных в дневниках Миклухо-Маклая. Например, одна история повествует о том, «как один из стариков, тогда еще мальчик, попал в Магруая стрелой, когда играл с ним. Когда Магруай вынул стрелу из своего бока, то там не оказалось ни раны, ни шрама» [Ibid.]. Она отдаленно напоминает общеизвестное место из дневников ученого под заголовком «Может ли Маклай умереть». В реальности никакого попадания стрелы в ученого не было, однако итог предания симбу чрезвычайно похож на тот вывод, который сделал папуас Саул, который задал вопрос о смерти

Маклая. «Недоумевавший Саул хотя и понял смысл моего предложения, но даже не поднял копья и первый заговорил: “Арен! Арен” (Нет! Нет!). Между тем некоторые из присутствующих бросились ко мне, как бы желая заслонить меня своим телом от копья Саула. Простояв еще несколько времени перед Саулом в ожидании и назвав его даже шутливым тоном бабою, я сел между туземцами, которые говорили все зараз. Ответ оказался удовлетворительным, так как после этого случая никто не спрашивал меня, могу ли я умереть» [Миклухо-Маклай II: 196].

Другое предание симбу очень похоже на эпизод из дневников Миклухо-Маклая, связанный с установкой рядом с хижинкой ученого булу-рибут, малайского музыкального инструмента из бамбука, использовавшегося для извлечения звука ветра. В дневнике ученый пишет, что ночные звуки булу-рибут были восприняты папуасами как прибытие русских людей: «Тут мне стало ясно, что булу-рибут около моей хижины были причиною этого недоразумения, и <я> невольно улыбнулся. Туземцы, внимательно следившие за выражением моего лица, подумали, вероятно, что я соглашаюсь с ними, и осыпали меня вопросами: “Когда прибыли тамо-рус? Каким образом? Корвета ведь нет! Прилетели они? Что будут делать? Долго ли останутся? Можно ли прийти посмотреть их?” Все это показалось мне до такой степени смешным, что я захохотал. “Никаких тамо-рус в таль-Маклай нет. Приходите посмотреть сами”, — сказал я и вернулся домой в сопровождении полдеревни, отправившейся искать тамо-рус и оставшейся в большом недоумении, не найдя никого. Туземцы, однако ж, не были совершенно убеждены, что тамо-рус не являются, по крайней мере по ночам, каким-либо образом для совещаний с Маклаем, и положительно боялись приходиться ко мне после захода солнца» [Там же: 162].

В преданиях симбу этот эпизод выглядит несколько иначе: «По ночам он играл на музыкальном инструменте, сделанном из обрубка или нижней части стебля бамбука, и пел песни на своем собственном языке до поздней ночи» [Rambo 1990: 181]. Факты изготовления музыкального инструмента из бамбука, ночной игры на нем сближают две эти истории.

Кроме истории о ночной игре на музыкальном инструменте, Рэмбо зафиксировал истории о том, что Магруай интересовался головами крыс (ср. записи Миклухо-Маклая о том, что он просил папуасов приносить ему экзотических представителей фауны, у кото-

рых он отделял череп), ходил от деревни к деревне, разговаривал на местных языках (local languages). Все они сближают персонажа Магруай племени симбу и предания о русском ученом в Бонгу. Вместе с тем очевидно, что основой всех историй служат местные легенды и мифы симбу. Именно эти повествования задают структуру, а исторические факты вкраплены в достаточно случайном порядке.

В целом легенды о Магруае, «Маклае с книжкой» и «белом дьяволе» имеют множество общих черт. Основная — переходный тип главного персонажа от культурного героя, учителя к карго-божеству. А среди прочих можно назвать оторванность персонажа от конкретной деревни, его постоянные перемещения, а также то, что он придавал особое значение местной культуре и учил сохранять ее. При этом ни один из трех персонажей не призывал бороться с европейцами и не дарил им материальные ценности. Многие из этих черт перешли по наследству к главным героям карго-легенд.

**Эпоха карго-культов.** В конце 1940-х годов восприятие белого человека в традиционной папуасской культуре начинает меняться. Постепенно он превращается из воплощения божеств, духов предков в дарителя богатств или «карго».

Таким предстает Миклухо-Маклай в предании, зафиксированном М. Меннис на острове Грагед в 1975 г. Здесь Миклухо-Маклай действует как даритель в рамках карго-культистской парадигмы. «Маклай сказал Кудаму и Мальбаку с помощью жестов: “Вы не должны бояться”. Затем Маклай дал им флаг и сказал: “Через какое-то время я вернусь”. Он дал им мясо, консервированную рыбу в банках, еду. Этот флаг был большим тамбу (тамбу — по всей вероятности материальное воплощение духа предка, также *tumbuna*, *tabuna*), его выносили во время сингсингов (племенных праздников)» [Mennis 1980: 118]. Очевидно, что это предание минимально связано с историческими событиями, породившими его. Безусловно, Миклухо-Маклай делал папуасам подарки, но чаще всего это были вещи, а не еда. Еду же, напротив, он получал от туземцев.

Как уже говорилось, 1960–1970-е годы — время существования культов карго. Уже упоминавшееся исследование П. Лоуренса не охватывает 1970-е годы, однако с середины 1930-х идеология карго-движений стабилизируется: в преданиях утверждается, что карго изначально принадлежал аборигенам, а белые захватили его незаконно. Приведенное предание с острова Грагед обосновывает этот тезис мифологическим авторитетом Миклухо-Маклая.

Важным элементом предания является мотив «дарения флага». Во многих других преданиях, зафиксированных в тот же период, флаг является священным предметом, воплощением тайны карго. Так, в одном из преданий о восстании Сиар говорится: «Англичане дали народу Сиар флаг и сказали людям Ябоб, Били-Били и Сиар, что это символ того, что они вернутся на свои земли» [Ibid.: 32]. Флаг является сакральным предметом, символом восстановления справедливости (возвращение на земли предков), символом предков — табуна.

Нельзя не отметить, что мотив «дарения флага» центральный в «образцовом меланезийском карго-культе», движении Джона Фрума на острове Танна (Вануату). Французский антрополог Марк Табани, исследовавший возрождение культа Джона Фрума в 2000–2008 гг., пишет, что после освобождения Танны американскими солдатами в 1942 г., многие жители острова «поверили в идею мифологического союза, который свяжет их со всемогущей Америкой». На том этапе основой культа была демонстрация символического единства с США: «До сих пор каждый год 15 февраля около сотни людей в местечке Серная Бухта (Sulphur Bay), обнаженные по пояс, с буквами “USA”, написанными красной краской на груди, вооруженные бамбуковыми палками, заостренными наподобие ружей, маршируют под развевающимся звездным флагом...» [Tabani 2008: 17]. Этот флаг символизирует независимость от англо-французских колониальных властей. Аналогия более чем очевидна. Можно также добавить, что в настоящее время на Танне вместе с американским флагом можно видеть флаги независимых меланезийских государств: собственно Вануату (куда входит Танна), Папуа — Новой Гвинеи, а также флаг аборигенов Австралии [ПМА 2010].

В предании, зафиксированном в 1971 г. Б.Н. Путиловым, акт дарения определенных товаров является основным моментом в легенде. Следует еще раз упомянуть о том, что это предание было записано от старейшего жителя деревни Бонгу Таного, лично помнившего младших современников Миклухо-Маклая, которых он узнал на рисунках ученого. Встреча с Миклухо-Маклаем описывается так: «И тогда папуас Тоя обнаружил Маклая. Обнаружил Маклая, подошел поближе. Маклай тоже заметил, как Тоя подходил. Тойе было страшно. Он боялся гнева Маклая. Но он шел, шел, наконец подошел к прибывшим. Все хотели дотронуться до него, что-то говорили. Он решил присесть. Ему дали табак, соль, рис, закурили, стали

немного есть, дали попробовать и папуасу Тою. Тоя взял, что ему предлагали, смотрел, думал, прибывшие улыбались ему, он улыбался им и за едой немного разговаривали. Он вернулся в деревню, рассказал обо всем старейшинам, и через две ночи на рассвете они пришли посмотреть на Маклая» [Путилов 1981: 54].

Уже в этом предании Миклухо-Маклай выступает в качестве дарителя всех европейских нововведений: табака, соли и риса. Введение риса в культуру папуасов Берега Маклая не может быть связано с деятельностью русского ученого, поскольку еще в начале XX в. Б. Хаген писал о деревнях Богатым и Бонгу: «Рис — главный продукт питания азиатских народов — здесь не выращивается» [Hagen 1899: 198]. Да и сам Н.Н. Миклухо-Маклай описывает первую встречу несколько иначе: «В то время как я подходил к другой хижине, послышался шорох. Оглянувшись в направлении, откуда он исходил, я увидел в нескольких шагах как будто выросшего из земли человека, который поглядел секунду в мою сторону и ринулся в кусты. Почти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Оглянувшись и видя, что я один, без всякого оружия, и знаками прошу его подойти, он остановился. Я медленно приблизился к дикарю, молча подал ему красную тряпку, которую он принял с видимым удовольствием и повязал себе на голову» [Миклухо-Маклай I: 78–79].

Как видно, дарение табака, соли и риса не имеет отношения к историческим событиям первой встречи Миклухо-Маклая с Туем. Вместе с тем в этой истории много общего с другими историями, зафиксированными во второй половине XX в. Так, в одной истории, записанной М. Меннис, дарителями европейских товаров выступают немцы: «После того как Маклай уехал, пришли немцы и сделали огромную плантацию, вырубив лес. Они сажали табак, каучуковые деревья и кокосы. Люди из деревни работали на плантации, и им платили немецкими марками. Сначала они думали, что это просто камни, и выбросили их, сказав, что у них и так уже много камней. Рис описывался как яйца муравьев и также выбрасывался, пока не поняли его ценности» [Mennis 2006: 258]. Таким образом, в легенде о дарении Маклай выступает как обобщенный символ всех европейцев, а его подарки Тую — как европейские товары, которые регулярно передавались местным жителям.

В рассматриваемых легендах Миклухо-Маклай представлен в виде мифологизированного существа, хозяина европейских благ



(мяса и консервированной рыбы), который дарит жителям острова Кранкет (Грагер в дневниках Миклухо-Маклая) флаг, магический символ восстановления справедливости, закона предков. Мотив восстановления исторической справедливости путем возвращения на исконные земли уже упоминался в разделе географических преданий. Итак, образ Миклухо-Маклая в преданиях 1950–1970-х годов изменился в соответствии с новыми представлениями о роли божеств в «карго-мифологии».

**Современные предания.** Наконец, в преданиях, собранных нами в 2010 г., образ Миклухо-Маклая вновь изменяется. В истории, рассказанной папуасом Горефу из вемуна Горендук, говорится следующее: «Поскольку он не стал жениться, они решили убить его. Но Туй сказал: “Не убивайте его”, и они его не убили. Туй взял Маклая, и они ходили вокруг деревни, чтобы показать, что они друзья. Они были в Горендук, Гумбу и Бонгу. Жители поняли, что они друзья».

На смену божеству, которое посылает карго и дает флаг местным жителям, приходит гораздо более человекоподобное существо. Маклай в этом предании (и надо сказать именно в этом конкретном предании) перестает быть Килибобом, Ротеем и Каарам-тамо и приобретает черты реального человека. Он становится на один уровень с Туем. Дружба Маклая и Туя является символом дружбы европейцев и папуасов. Более того, частично эта дружба — мифологическое отражение независимости Папуа — Новой Гвинеи: на смену отношениям «колония — метрополия» пришли отношения «суверенное государство — суверенное государство». Другими словами, на рубеже XX–XXI вв. на смену одностороннему одариванию пришло взаимовыгодное сотрудничество, что и отразилось в преданиях.

Гораздо более активной выглядит роль Туя и при первом контакте: «Туй делал магические действия (Туй был, по свидетельствам его потомков, рыболовным магом. — А.Т.) для того, чтобы поймать рыбу и привлечь ее к побережью. И в это время Туй увидел Маклая. Он увидел корабль и постарался все сделать, чтобы узнать, что это такое. Он посмотрел и вернулся в деревню и сказал жителям, что увидел Буга. Его называли Джилеб-Буга. Когда Туй вернулся и сказал людям, что видел, все пошли смотреть на Маклая. Сначала он их не видел, но они его видели. Он обернулся, увидел их и позвал их жестами подойти. Когда Маклай всех позвал, все убежали, но Туй остался и постарался поговорить» [ПМА 2010].

В данном случае именно Туй обнаруживает Маклая и зовет всех старейшин смотреть на заморского гостя. Активная роль Туя связана с двумя факторами. Во-первых, с уже названным выше изменением типа отношений «европеец — папуас», в которых роль папуасов становится намного более активной. Во-вторых, с тем, что легенды о Маклае являются обоснованием особого статуса клана Горендук. Общение с Маклаем и особая роль Туя в этих отношениях позволяет клану претендовать на более значимое место в общине и в настоящее время.

Активная роль Туя прослеживается и в последнем эпизоде истории — расставании с Маклаем перед отъездом в Россию. «После того как они утопили человека<sup>51</sup>, он (Миклухо-Маклай. — *А. Т.*) уехал в Россию и долго жил в Сиднее. Туй хотел дать ему что-то, чтобы он помнил о своем *аба-даму*<sup>52</sup>. Он дал ему магический *билум*<sup>53</sup> для того, чтобы Маклай мог заниматься рыболовством. Он называется *аре джамбир* — это магический билум. “Это память обо мне, — сказал Туй, — твоим аба-даму”». После завершения рассказа сын Гасома Каму — Бонем Гасом — подошел к нам и сказал: «Вы должны сказать своему правительству, что аба-горенду очень надеются на помощь аба-русс, ведь Туй подарил Маклаю очень важные магические знания. Вы тоже должны для нас что-то сделать».

Хотя это предание, по сравнению с преданиями эпохи каргокультов, выглядит намного более реалистичным, оно в значительной степени мифологизированное. Суть его заключается в том, что он легитимирует в сознании жителей Бонгу необходимость получения денежных субсидий «от России». Законность этих субсидий доказывается своеобразным обменом магическими знаниями: Туй дарит Маклаю *аре-джамбир*, а тот увозит его в Россию (в которой, как видно из предания, расположен город Сидней). И теперь бонгуанцы ждут ответного дара от тамоле-русс.

---

<sup>51</sup> По всей вероятности, речь идет о похоронах матроса судна «Цветок тысячелистника» по имени Абуи в 1877 г.

<sup>52</sup> Слово «аба» обозначает «брат», «даму» — «настоящий». Поскольку словом «аба» все мужчины называют людей примерно одного с ними возраста, то для обозначения более близких отношений — настоящего родства или дружбы, связывающей двух «аба», — используется термин «аба-даму».

<sup>53</sup> Плетеная из волокнистых корней растений сумка, вместилище магической силы.

В другой раз тема подарков бонгуанцев России была поднята за день до этого, когда мы договаривались с Бонемом Гасомом об интервью с его отцом. Он сказал: «Давным-давно Маклай увез из Горенду ай-теллум<sup>54</sup>. Где он находится в настоящее время? Для нас это очень важно». Здесь опять же мифологические тамоле-русс выступают в качестве реципиентов, а бонгуанцы — в качестве дарителей.

Схожая модель взаимоотношений местных жителей и европейцев прослеживается в рассказе о миссионере Августе Ханке. Ее описал Сет Багун, который присутствовал на интервью с Гасомом Каму, поэтому эта история строилась отчасти по аналогии, а отчасти на противоречии образов Ханке и Миклухо-Маклая. «Ханке не жил с людьми Бонгу, он жил отдельно в миссии, которая была расположена там, где сейчас находится школа. Он ежедневно приходил в деревню, беседовал со стариками, дарил им рис и другую еду. Люди не считали его *аба*, но были благодарны за еду. Однажды старики посоветовались и решили подарить ему знание магии войны. Через несколько дней он уехал в Германию, а потом началась Первая мировая война. С тех пор Германия нападает на все страны, но люди Бонгу знают контрмагию, поэтому у немцев ничего не получается». В данной истории вновь европейцы выступают как реципиенты магических знаний, которыми обладают тамоле-бонгу.

\* \* \*

Подведем итог. Во-первых, можно констатировать, что мифологизированные истории, в которых фигурирует Миклухо-Маклай, появляются почти сразу (1906) после отъезда ученого с Берега Маклая (1883), в то время, когда еще были живы люди, которые лично помнили тамо-русс. Иными словами, мифологические тексты не являются позднейшей трансформацией исторических преданий, а существуют параллельно с ними.

Во-вторых, эти мифологические тексты гораздо больше связаны с мировоззрением или общей культурно-идеологической, мифологической ситуацией того времени, в которое они формулируются. Можно выделить три образа Миклухо-Маклая. В текстах начала XX в. он выступает как классический культурный герой, устанавливающий «нынешний порядок жизни»: дарит топоры, предлагает переселиться на материк и т. д. В текстах 1950–1970-х годов Мик-

---

<sup>54</sup> Ай-теллум — идол, изображение божества ай.

лухо-Маклай предстает в качестве владельца карго и дарителя флага. Он рассуждает о независимости папуасов от колониальной администрации и дарит им пищу и другие европейские товары. Наконец, в текстах начала ХХI в. уже сам становится получателем магических знаний бонгуанцев, а не только одаривает местных жителей. Этот новый образ обосновывает необходимость сотрудничества с европейцами, а не одностороннего получения вещей и продуктов папуасами. Такая «экономическая», или «социально-экономическая», основа нового мифа прекрасно осознается.

Отдельно следует отметить истории о существах Магруае и Макарае, которые появились у жителей внутренних районов Новой Гвинеи в начале ХХ в.

В завершение отметим, что приведенные предания наиболее подчинены законам мифологического мышления. Однако оставшиеся типы воспоминаний также включаются в мифологические повествования. Например, географическое предание о месте, где стояла хижина Миклухо-Маклая, и местонахождении деревни (более точно: вемуна. — *А.Т.*) Горендук в 1870-е годы также становится фактором, определяющим действия папуасов в настоящее время. Земли клана горенду считаются своеобразной «землей обетованной», на которой скоро разместится деревня клана отдельно от Бонгу.

На этом мы завершим краткий обзор воспоминаний о Н.Н. Миклухо-Маклае. Можно констатировать, что предания о русском ученом глубоко укоренились в культуре папуасов и составляют значимый пласт в их мифологии. Более того, этот пласт имеет тенденцию к расширению: появляются новые «русские слова», а также новые географические названия, связанные с Миклухо-Маклаем. Образ Миклухо-Маклая в мифах в значительной степени не совпадает с тем, который формируется после прочтения его дневниковых записей. Этот образ трансформируется вместе с изменением папуасского мировоззрения. Можно сказать (хотя это и не всегда верно), что Н.Н. Миклухо-Маклай олицетворяет европейскую цивилизацию.